

В.И. Романов

Дневник Пушкина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В11 **В.И. Романов**
Дневник Пушкина / В.И. Романов – М.: Книга по Требованию, 2015. – 318 с.

ISBN 978-5-458-41181-3

ISBN 978-5-458-41181-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Впереди обозначились мрачные контуры Петровпавловской крепости, и Пушкин, усмехнувшись, спросил Данзаса:

— Не в крепость ли ты везешь меня?

Но Медведь шутки не понял и ответил донельзя серьезно:

— Нет, через крепость на Черную речку самая близкая дорога!

«Только куда эта дорога?» — тут же хотел задать ернический вопрос Пушкин, но сдержался, почувствовав, что не следует шутить с судьбой.

Если б не злой ветер с Невы, то пятнадцать градусов мороза — погода отменная. Недаром многие петербуржцы с утра отправились за город, на снежные горы, покататься на санках и к пятому часу пополудни уже возвращались домой, насладившись разудалой ездой. Князь Владимир Дмитриевич Голицын, старый приятель подполковника Данзаса и Пушкина, увидев их, приподнялся в санях, приветливо помахал им рукой и весело выкрикнул:

— Что вы так поздно едете, все уже разъезжаются!

Пушкин не ответил, даже не взмахнул в ответ рукой, снова погрузившись в раздумья. Вспомнил наказ Дорохова, который, любя Пушкина и преклоняясь пред его поэтическим даром, говорил на прощание: «В любой дуэли стреляй первым! С двадцати шагов не целясь попадешь, а противник, уже напуганный выстрелом, как правило, промахивается! Таков уж закон, сам не раз его проверял!» Не верить заядлому дуэлянту было невозможно, и Пушкин тщательно обдумывал этот совет. Однако что-то в нем сопротивлялось этой подсказке: лучше подойти по-

ближе, поточнее прицелиться — и уж тогда выстрелить. Шансов промахнуться на ходу гораздо больше... Пушкину было неловко советовать об этом с Данзасом, боевым офицером, побывавшим во многих жарких переделках. Медведь мог счесть обращение за советом за неуверенность, стал бы уговаривать Пушкина пойти на мировую, а об этом тот и слышать не хотел.

Однако санный путь заканчивался. Мелькнула Комendanтская дача, в полутораэта метрах от которой была определена дуэль. Высокий плотный кустарник загораживал площадку от посторонних глаз. Медведь, легко спрыгнув, двинулся к барону Д'Аршиаку, который вместе с доктором уже приминал ногами снег, создавая площадку для дуэли. Дантес, прибывший с секундантом почти одновременно с Пушкиным, неподвижно стоял в стороне, а увидев соперника, повернулся к нему спиной. Дантес горделиво возвышался над собравшимися: высокий, рослый, как и положено кавалергардам, и всем видом своим демонстрировавший уверенность в себе. У Пушкина потемнело в глазах, раздулись ноздри от гнева и ярости. Он готов был собственными руками задушить этого самодовольного жеребца, не испытывающего и капли раскаяния. Чтобы не видеть его, точно так же повернулся к нему спиной.

«Сверх того, принимается, что после первого выстрела противникам не дозволяется менять место для того, чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же расстоянии», — гласил третий пункт условий, и он как бы давался уже в пользу стрелявшего вторым: попасть в неподвижную мишень

гораздо легче, хоть дуэлянтам и разрешалось прикрывать лицо своим оружием.

Секунданты размечали по шагам площадку, устраивали барьеры, действуя споро и деловито, убирали лишние ветки и другие помехи с дуэльного поля. Эта старательная будничность всех приготовлений — словно для праздника — вывела Пушкина из себя.

— Мы начнем когда-нибудь? — не без раздражения спросил он.

Данзас принес пистолеты.

Взял свой пистолет и Дантес, в первый раз смерив презрительным взглядом противника.

— Александр Сергеевич, вы имеете право встать боком к сопернику, — шепнул Данзас.

— Если мне не изменяет память, мы всегда на «ты» были! — болезненно усмехнулся Пушкин.

— Да-да, мы старые товарищи! — Медведь нервно заулыбался. — Ну что, я даю сигнал? — помедлив, неуверенно спросил он.

Пушкин еле заметно кивнул.

Данзас отбежал на середину площадки, снял шляпу. Его редкие светловатые волосы слиплись от пота. Он утер ладонью лицо, взглянул на противников, после чего резко взмахнул шляпой и отступил на шаг назад. Но надеть шляпу забыл. Чуть подавшись всем телом вперед, впился взглядом в Пушкина. Константин Карлович теперь жалел, что не подал своему лицейскому другу перед дуэлью нужного совета, ибо Александр Сергеевич быстрым шагом подошел к барьеру и стал прицеливаться, совершив тем самым сразу две ошибки. Он первым выдвинул себя на ближнее расстояние для выстрела, застыв, как мишень, да к тому

же еще стал медлить с выстрелом, видимо желая точнее прицелиться. Дантес же действовал более расчетливо: он не спешил приближаться к барьеру, осторожно выбирая свои первые шаги и чуть раскачиваясь из стороны в сторону. Не доходя двух шагов до воткнутой в снег сабли и увидев, что Пушкин уже стоит у барьера, выстрелил.

Пуля попала в низ живота, и поэт неуклюже опустился на снег. Несколько красных пятен вспыхнули рядом с упавшим. Данзас бросился к Александру.

— Мне кажется, что у меня раздроблена ляжка! — жадно глотая воздух, сообщил Пушкин.

Его пистолет торчал из снега. Вместе с Данзасом к поэту кинулся и секундант Дантеса виконт Д'Аршиак, но Пушкин, поняв, что французик хочет покончить с дуэлью, возразил:

— Подождите, у меня еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел!

Дантес, уже двинувшийся было с площадки, вернулся и занял свое место, не доходя двух шагов до барьера. Он встал боком к сопернику, прикрыл правой рукой сердце, а пистолетом — лицо. Правила это разрешали. Дантес знал, что Пушкин не раз дрался на дуэли, а значит, наверняка брал уроки стрельбы и постарается не промахнуться. Теперь судьба молодого барона в руках Господа. И Дантес, прикрыв глаза, начал молиться.

Пушкин отбросил свой пистолет в сторону и протянул руку. Данзас взвел курок и подал старому другу второй пистолет. Поэт, тяжело дыша, приложил холодный ствол к горячему лбу, отдышался. Упершись левой рукой в снег, он резко приподнялся, выбросил

вперед руку, прицелился, видя контур фигуры своего противника, и выстрелил. Прошло мгновение. Дантес пошатнулся и упал.

— Куда он ранен?! — радостно просияв, неестественно громко спросил Пушкин у Данзаса. Однако этот вопрос прежде слышал сам Дантес.

— Я полагаю, что ранен в грудь, — по-французски любезно ответил соперник.

— Bravo! — воскликнул Александр Сергеевич, и его лицо озарилось ярким светом.

Однако через минуту молодой барон вздрогнул, дернулся и смог самостоятельно подняться на ноги. Данзас бросился к Дантесу. Еще через секунду выяснилось, что пуля лишь задела грудь, попав в руку, однако и эта рана оказалась не опасна. Пушкин очень огорчился. Его же самого пришлось вносить в сани.

Неожиданно ветер усилился, повалил мелкий снег, и приемный сын голландского посланника предложил Данзасу отвезти тяжело раненного Пушкина в своей карете. Дверцу украшал герб барона Геккерена. Данзас растерянно взглянул на старого друга. Губы Пушкина запеклись, на лбу бисером блестел пот. Поэт, прикрыв веки, согласился ехать в карете своего врага, понимая, что путь до Мойки, где в доме Волконского на первом этаже жил Александр Сергеевич, был не близкий. Боль пригасила ярость, и поэт уже с равнодушным лицом смотрел на перепуганного кавалергарда, который готов был на коленях просить прощения. От прежнего гордеца не осталось и следа.

Барон Дантес, осторожно взяв Данзаса за локоток, отвел его в сторону, заговорил по-французски нервно и сбивчиво:

— Я и мой секундант, мы очень... вы понимаете, просим вас, господин подполковник, скрыть от досужих лиц состоявшуюся дуэль! Поймите, ненужная огласка не нужна ни вам, ни нам! Что сделано, то сделано! Мой отец есть лицо дипломатическое, и подобный скандал не принесет ему пользы...

— Раньше надо было думать! — сердито пробурчал Данзас, но, взяв себя в руки, официальным тоном произнес: — К сожалению, замолчать данное происшествие никак не могу!

Он отдал честь и отошел к карете. Заскочил в нее, и карета не спеша тронулась. Лик поэта был напряжен и бледен, видно было, что ему приходилось преодолевать растущую боль.

— Помнишь Щербачева, который стрелялся с Дороховым? — вдруг спросил Пушкин. — Руфин ранил его тоже в низ живота, так врачи ничего не могли сделать...

— Раны всякие случаются! — философски заметил Данзас. — Бывает, от царапины умирают, а бывает, что и живого места на теле не остается, одно сплошное кровавое месиво... Не веришь, что через минуту солдат живой останется, я сам такое наблюдал не раз, но проходит час, день, неделя, и солдат выживает. А через месяц уже и не помнит, что когда-то с жизнью прощался! Господь в таких делах единственный лекарь!

Пушкин вздохнул. Судя по выражению его лица, тирада Медведя его немного успокоила. В ту секунду он свято верил, что Господь его не оставит.

— Как домой приедем, ты женку-то мою не пугай! — зажимая рукой рану, наставлял Данзаса поэт. — Скажешь ей: царапина — пустяк, все уладится. Сло-

вом, надо успокоить ее! Ни к чему раньше времени волновать!

Данзас кивнул. А Пушкин, чуть откинув голову назад, впал в забытие.

На Мойке, у дверей дома, где жил Пушкин, карета Геккерена остановилась. Из окон людской ее тотчас увидели, а потому, когда Данзас вошел в прихожую и спросил Наталью Николаевну, слуги, сделав постные лица, сообщили, что хозяйки дома нет и, когда она вернется, им неизвестно.

— Александр Сергеевич ранен на дуэли, надо его внести в дом, — проговорил Константин Карлович.

У старого слуги лицо вытянулось, он все понял, горестно заохал, стал извиняться, кланяться. Тут же шепотом сообщил, что Наталья Николаевна дома, и не одна, к ней приехала сестра Александра Николаевна. А людей в помощь он сейчас призовет. Едва люди из кухни внесли Александра Сергеевича в его кабинет, вбежала Наталья Николаевна. За ней на пороге возникла Александра Николаевна, но в кабинет войти она не осмелилась. Увидев мужа с большим кровавым пятном на рубашке, первая красавица Петербурга чуть не лишилась чувств. На ее лице вспыхнул такой испуг, что у Данзаса язык прилип к небу, и он не смог выговорить ни слова, дабы объяснить ей все происшедшее, хотя всю вторую половину пути с Черной речки мысленно готовился к этой встрече и тщательно подбирал слова. Выручил своего лицейского товарища сам поэт.

— Ну что ты, что ты, радость моя?! — заговорил Пушкин. — Рана неопасная, и вообще будь спокойна,

ты невиновна в этом! Ступай к себе, сейчас врачи придут, осматривать меня начнут, ни к чему тут тебе! Детей успокой!

Пушкин выговорил это столь буднично, что Наталья Николаевна немного успокоилась, кивнула, вышла из кабинета. В столовой был уже накрыт стол, и Пушкин предложил Данзасу перекусить, но Константин Карлович наотрез отказался, спешно отправившись за доктором. Часа три он колесил по Петербургу, собирая всех докторов, каких только знал. Нашел-таки и Арендта, который ранее врачевал поэта.

Доктора Пушкина осмотрели, посовещались и, осторожничая, объявили поэту: «Надо немного подождать, картина пока неясна». Но Пушкин, оставив у себя в кабинете одного Арендта, потребовал от него любой, самой беспощадной, правды. Врач вздохнул, покачал головой и, помедлив, решился:

— Я должен сказать вам, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не имею надежды. — Арендт почтительно и скорбно опустил голову.

Он также добавил, что вынужден обо всем доложить государю. Пушкин не возражал. Поблагодарил доктора за искренность, попросив лишь не открывать сию тайну жене. Данзас проводил Арендта до дверей.

— Скверная штука, он умрет, — прощаясь с Данзасом, вздохнул Арендт.

Последняя реплика, подобно острому ножу, вонзилась в сердце Медведя. Он догадывался, что положение старого лицейского друга худо, но о его смерти даже не помышлял. Предположить не мог, что глупая дуэль способна прервать бег жизни великого поэта.

Константин Карлович чуть задержался в прихожей, приходя в себя, но услышал слабый голос Пушкина:

— Костя...

Данзас вернулся в кабинет. Пушкин указал на письменный стол, хотел что-то сказать, но внезапная боль не дала ему выразить желание словами.

— Я тебя еще задержу немного, если ты не спешишь... — перетерпев боль, с трудом выговорил поэт, взглянув на Константина Карловича.

— Я никуда не спешу! — тотчас отозвался Данзас. — Располагай мной, как считаешь нужным!

— Разожги камин.

Данзас разжег камин, в кабинете сразу потеплело и посветлело. Несколько секунд Пушкин замороженно смотрел на огонь. Потом Александр Сергеевич попросил открыть верхний ящик письменного стола и достать оттуда деревянную шкатулочку. Константин Карлович принес ее поэту. Тот открыл крышку, достал кольцо, протянул его Медведю, но тот не посмел взять.

— Возьми, возьми! — настойчиво сказал Пушкин.

Данзас взял кольцо. Оно было из серебра с черным отполированным камнем-печаткой.

— И носи его! Мне подарил его наш общий друг Павел Нащокин. Ты ведь знаешь его?

Данзас кивнул.

— Это кольцо-талисман, оно оберегает от насильственной смерти! Я на себе испытал! — Он вдруг запнулся, выдержал паузу. — А ныне утром позабыл надеть, и случилось то, что случилось. А ты никогда не снимай его!

— Спасибо!

Данзас надел кольцо на безымянный палец левой руки.

— Да, вот еще! Скажи всем, я не желаю... — Пушкин поморщился, махнул рукой, — я не желаю, чтобы кто-то мстил за меня, вызывал снова этого несчастного на дуэль... если вдруг я умру... Не надо. И умереть я хочу христианином!

Приехал не в меру взволнованный Арендт, привез от государя записку, написанную карандашом. Пушкин попросил огня, чтобы прочитать записку. «Любезный друг Александр Сергеевич, если не суждено нам свидеться на этом свете, прими мой последний совет: старайся умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свое попечение».

— Государь также передал на словах, что если у вас или у вашей жены есть долги, то он готов взять их на себя, — помолчав, добавил Арендт. — Подготовьте сей список, а я передам его Николаю Павловичу.

Он поклонился и уехал. Александр Сергеевич с грустью взглянул на лицейского товарища и продиктовал Данзасу все долги, какие числились за ним и женой.

— Мне стыдно перед государем, но теперь важнее позаботиться о моей женке, нежели о собственном достоинстве, — глядя в сторону и с трудом выговаривая слова, объяснил он Данзасу. — Теперь позови Наталью Николаевну и дай мне с ней объясниться наедине. Но потом ты мне снова понадобишься!

Лицо поэта чуть покраснелось: видимо, поднялась температура. Рот был сухой, а взор болезненный, воспаленный. Данзас кивнул, вышел, пригласив к мужу Наталью Николаевну. Та вошла в кабинет испуганная,